

НАТАЛЬИН ГОД

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

отмечала: венчались в приходе невесты у Большого Вознесения. И еще сохранилось свидетельство, что на свадьбе все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша.

Пушкин и его Наташа поселились на Арбате (ныне дом № 53), участвуют в проводах масленицы, едят блины в одном из гостеприимных домов Москвы — у Пашковых, катаются на санях, смотрят «живые картины» у Голицына, в которых год назад участвовала и Наташа в роли оживительницы Карфагена—Дидоны. Присутствуют на балу у Долгоруковых, которые жили на Большой Никитской, через дом от Гончаровых, у Анастасии Щербининой—дочери княгини Дашковой. Самы дают парадный ужин у себя на Арбате.

Шел разлив славы Александра Сергеевича как женатого, семейного человека. Москва, которая пленяет пестротой, старинной роскошью, пирами, невестами, колоколами, забавной легкой суетой, не сводила глаз с поэта и его жены.

М-ль Натали — м-м Пушкина, по которой будет потом вздыхать на берегах «роскошной, царственной Невы» и весь «молодой С.-Петербург», потому что ее «лучезарная красота» рядом с «магическим именем Пушкина» всем уже теперь кружила голову. И опять она, в который раз, — Мадонна, Ангел («Поздравляю тебя со днем твоего Ангела, мой Ангел!»); или вдруг весело, с улыбкой: «Вот тебе отчет до самого Натальина дня» — «Голкондских алмазов дожидаться не намерен, и в новый год везу тебя в бусах». Другу Нащокину: «Буду жить потихоньку, без тещи, без экипажа». А в онегинских вариантах есть шуточные строки: «Я жил поэтом — без дров зимой, без дрожжек летом».

У Пушкиных появятся дети, и среди них появятся и дочь Наташа, которую в семье, подомашнему, будут звать Ташей. И про нее тоже говорили, что она «лучезарно» красива и что она «прекрасная дочь прекрасной матери». Портрет ее сделал тот же талантливый портретист Иван Кузьмич Макаров, который рисовал и Наталью Николаевну Гончарову.

Дочь вышла замуж, и у нее родилась дочь... Наташа, подомашнему Таша.

ПРОЙДЕТ много лет. Наступит следующее столетие...

Передо мной газета от 1 июня 1949 года «За боевые темпы». Многотиражка завода имени Владимира Ильича. Я бережно хранил этот номер газеты. Еще будучи студентом Литературного института, я руководил на заводе Владимира Ильича литобъединением. В газете большая фотография—правнуки и праправнуки Пушкина в гостях у ильичевцев. И в первом ряду с букетом цветов сидит на колене у старейшего рабочего завода—слесаря Бадайкина—он бережно придерживает ее одной рукой—худенькая девочка с полосатом платьем с короткими рукавами и легким шарфиком, прикрываящим шею. Это 12-летняя праправнучка Пушкина... Наташа Пушкина. Она гостя огромного электромеханического завода. Наташа...

...Пройдут еще годы. Десятилетия. И я познакомлюсь с самой ее Высокоблагородием Милостивой Государыней Натальей Николаевной Гончаровой. Да-да, не удивляйтесь. Познакомлюсь с а нею, когда впервые загляну на Кропоткинскую улицу в строение № 7 (книжные фонды Музея Пушкина). Надо было собрать подробности об арбатской квартире Пушкина, где Пушкин поселился после свадьбы. Мне сказали, что материалы на эту тему подберет сама Наталия Николаевна... Гончарова.

— ???..

— Ей лучше всех знать арбатский период жизни Пушкина.

Работникам фондов доставляю любовь в загонять меня в тупик.

— Вы что не согласны?

— Согласен, — пробормотал я, загнанный в тупик.

Сижу в строении № 7 перед Натальей Николаевной. Она только что подобрала мне нужные материалы. Почему она Наташа Гончарова, хотя она Маша Еремеева? Маша похожа на Наталью Николаевну. Особенно когда с помощью театральных средств достигает сходства с портретом Макарова, который выставлен в музее на Кропоткинской. И к тому же, будучи студенткой театроведческого факультета ГИТИСа, долгое время жила в квартире Пушкиных. «Ах, на Арбате, возле МИДа, стоит старинный особняк».

Так начинается поэма из нынешних арбатских времен, из времен нынешней Натальи Николаевны. В поэме есть строчка, что Пушкин «проверяет, кого судьба сюда вселила, кому до срока поручила сию священную обитель». Почему до срока? Потому что до восстановления пушкинской квартиры в ней селились студенты ГИТИСа. Они же сочинили поэму «Пушкин на Арбате».

— Вмеще с нами жила другая степенная калмык с режиссерского факультета. «Какое чудное виденье! Сам друг степеней в моей квартире». Он женился на нашей студентке. Сейчас они живут и работают в театре в Элисте.

— Это калмычка?

— Да. «Гурьбы» степные друзья и их глазастые подружки».

— Это все, конечно, из поэмы «Пушкин на Арбате».

— Свадьба была веселой?

— Вполне пушкинской. Ломбард закрыт, и неизвестно, где достать денег.

— Коли можешь, достань. Я на мели,—вспомнил я слова Пушкина к Нащокину. Пушкин писал это перед свадьбой.

И мы с Машей Еремеевой смеемся.

— Свадебный стол был накрыт в пушкинских комнатах,—продолжала вспоминать Маша.—И молодые сидели, может быть, на тех же местах. Не знаю, как у Александра Сергеевича было с вишневым, у нас вишневого хватало на всех.

И мы опять смеемся.

— «По дому тихо кто-то бродит и в занавеске, как сверчок, пылает Пушкина зрачок».

Маша дальше читает студенческую поэму.

— Когда же вы, Маша, делаетесь Натальей Николаевной?

— Когда надеваю придворное платье. Будь молода, потому что ты молода, и царствуй, потому что ты прекрасна! Помните? Пушкин Наталью Николаевну. Надеваю придворные драгоценности. Прическу тоже делаю придворную. Я живу во флигеле, во дворе. Все у меня придворное.

— И выезжаете на бал!

— Придворный. — Маша смеется.

ПОЗДНИЙ час. Луна и ночь. Уснувший город. Маёша в своей комнате в доме на Малой Молчановке. В этот поздний час он учился побеждать страдание, потому что «сердца лучшая струна оборвалась». На полу—разорванные листья черновиков, шершавые от присыпанного песка. Взяв новый чистый лист, он написал—ты со мною не умрешь: моя любовь тебя отдаст бессмертной жизни вновь; с моим названием станут повторять твоё: на что им мертвых ралучать?

Этот лист он не разорвал. Так и случилось — его любовь сделала Наталью Федоровну Иванову, се имя бессмертным, хотя Наташа — Дева нежная лицом, Дева чудная («Деву чудную любил я...», «Которой все богатство—красота!») стала впоследствии м-м Обресковой. У Обресковой появятся дети, и среди них — дочь Наташа. Выйдет замуж, и у нее родится дочь... Наташа — Наталья Сергеевна Маклакова, с которой и встречался наш современник Иракий Андроников на Зубовском бульваре в доме № 12, квартира 1. Вход со двора, несколько ступенек и дверь.

И каждая из Наташ, из семьи Обресковых, будет знать о некогда существовавшей любви поэта к Н. Ф. И. и будет где-то в глубине души сочувствовать Лермонтову.

У Натальи Федоровны Ивановой хранились в шкапке стихи Лермонтова, письма, пока их не уничтожил Обресков. Хранился экземпляр пьесы «Странный человек», в которой поэт рассказал о себе и о Наташе и специально для нее переписал экземпляр. У пьесы есть предисловие: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были узаны,— тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей...»

В Музее Лермонтова на Малой Молчановке в комнате Лермонтова, в мезонине, стоит бюро красного дерева. Некоторые считают, что бюро из семьи Ивановой-Обресковой. Приобретено было для музея. Может быть, когда-то стояло и в Никольском-Тимонино (Сказка? Пусты!), где на берегу Клязьмы жила Наташа и куда «на серой, борзой лошади» мчался вдоль берега крутого Клязьмы Маленький Гусарик—верил он своей любви и для любви не знал преграды.

ЧИТАЕТСЯ, Лермонтов не рисовал Наташу. Известный московский художник-график Людмила Николаевна Шаталова настаивает — рисовал.

Первое изображение клязьминской Натальи Людмила Николаевна обнаружила на рукописи драмы «Люди и страсти». В посвящении были какие-то инициалы. Позже Лермонтов их густо зачеркнул. На том же листе находился рисунок—портрет девушки. Шаталова сопоставила портрет Ивановой (Бинеманна), который Иракий Луарсабович Андроников подарил всем нам, с этим, лермонтовским. Убедилась — Наташа Ивановна. Поэт инициалы замял рисунком той, которая дерзко проникла в его сердце и которую он так романтически нежно любил. Тожественность портретов, замеченную интуитивно глазами художника-исследователя, поддерживали и специалисты-эксперты. А в рисунок Лермонтов включил и свою тайну. Какую?

Шаталова находит образы Натальи Ивановой и на черновики стихотворения «Стансы» («Взгляни, как мой покой везет»). На полях рукописи нарисована в профиль девушка. Считается—Екатерина Сушкова. Но ближе к рисунку поставлена дата «26 августа». А 26 августа по Месясцеслову — день Наталии.

— Вы помните, как Лермонтов отозвался о Сушковой? — сказала Людмила Николаевна. — Она летучая мышь,

крылья которой зацепляются за все встречное. И неужели ей предназначались «Стансы»? — Людмила Николаевна возмущена. — А романтическая драма «Странный человек»?.. Первая сцена помечена тоже 26 августа. И поэт Владимир Арбенин говорит о героине драмы Натальи Федоровне Загорской словами почти «Стансов». А Владимир Арбенин — сам Михаил Лермонтов. Так при чем тут Сушкова?

Трудно что-либо возразить Шаталовой. Во всяком случае мне.

Я держу на коленях альбом рисунков Лермонтова. Внимательно, как просила Людмила Николаевна, гляжу в лупу на рисунок «Молодая женщина и старуха».

— Наташа и Лермонтов. Себя он передел старухой.

Я с недоумением гляжу теперь на Шаталову.

— Вы не все увидели. Рисунок подписан. Лично поэтом.

Вновь лупа направлена на рисунок, но все равно только с помощью Шаталовой я прочитываю на одежде старухи крупную и довольно четкую цифру «1830» и монограммы, запрятанные в штрихах, «МЛ» и «ИНФ».

Не успел я осознать все вдруг мною увиденное в рисунке «Молодая женщина и старуха», как Шаталова показывает следующую группу штрихов в следующих рисунках и новую необычайно гибкую и легкую монограмму, сплетенную из «МЮЛ» и «НФИ».

— Я называю — Мечтательное облачко. И знаете почему? Лермонтов говорил, что любит смотреть на разнообразные облака, полные ревности и беспечности. Это облако Мечтательное. Оно повисло на какое-то время над ним, над его судьбой. «И если о любви твою, она была моей мечтой».

Людмила Николаевна смотрит в окно с восемнадцатого этажа на небольшой деревянный с мезонином в три окна светло-коричневый дом на Малой Молчановке, в котором жил Лермонтов: мы с Людмилой Николаевной возьмем лупу, спустимся с восемнадцатого этажа и пойдем сейчас туда; пойдем, как в сказку. Людмила Николаевна покажет мне уже не в альбоме рисунок Лермонтова, а подлинники; покажет так, как она их видит. Откроем тайнопись—сказочно простую и сказочно невероятную!

Подсчитано—Пушкин нарисовал Наташу Гончарову не менее четырнадцати раз. Лермонтов нарисовал Наташу Иванову примерно столько же раз. Так полагает Людмила Николаевна Шаталова.

НОВЫЙ ГОД. Затеваешь бал в Москве у известного танцмейстера Петра Иогеля в доме Кологривовых на Тверском бульваре, где Пушкин зимой встретил свою Наташу. Ей было тогда шестнадцать лет, и она впервые надевала длинное платье и выехала в свет. А это Лермонтов о своей Наташе: «Я видел раз ее в веселом вихре бала...» Гремели шпоры, к ней кавалер незримый подходил и в мнимый вальс с собою уносил. Барышни, как «бледный цвет подснежный», в вальсовых платьях дымковых с лентами или из кисеи, в тонкой руке — веер: сложенное крыло птицы в ожидании полета.

Дом Кологривовых с аттиком и лепными венками над окнами, подъезд убран красным праздничным сукном. И Александр Пушкин, по собственному выражению,—смесь обезьяны с тигром, радостный идет в широком черном фраке по морозному Тверскому бульвару, самому московскому в Москве. Мороз, и снега более теперь, нежели когда-либо, а я поэта Пушкина видел на бульваре в одном фраке; но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы,—это Александр Булгаков в письме к брату. А Пушкин идет и хочется при этом до слез, еще бы — умора: отец Анны Керн убедил маленьких детей, что Пушкин сделан из сахара и яблок и его можно съесть. Умора!

Пушкин будет писать это слово в письмах к Наташе. Другим было уже известно, что его Таша любит обедать с вареньем и не престанет угощать им Пушкина. Кончился «Тверский Ловелас» с «чертовски черными бакенбардами».

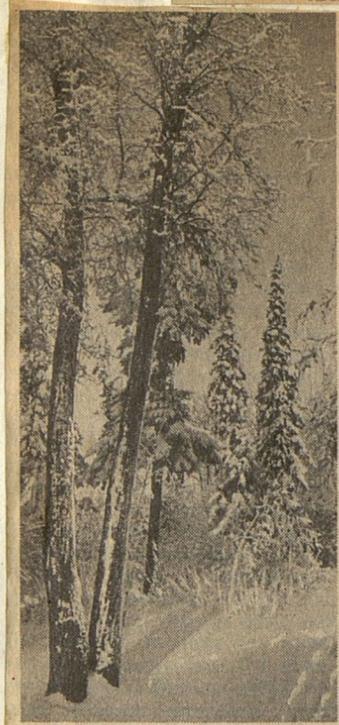
Идет и Маленький Гусарик—тоже радостный и тоже с пылким воображением, готовый слепить из снега что-нибудь самое презабавное здесь же, на Тверском бульваре. Мишель был мастер делать из снега челоуические фигуры в колоссальном виде — это Аким Шан-Гирей, троюродный брат и друг Лермонтова.

...Пушкин, Лермонтов. Они молоды и никто из них не будет убит. Сверчок и Маёша. Наташи в вас влюблены. У Пушкина не погаснет венчалась свеча, как это случилось в храме Большого Вознесения. У Лермонтова счастливая упадет монета, которую он имел привычку подкидывать, проверяя свое счастье.

Я впрягу лошадей в новогоднюю хрустящую карету и отвезу Наташ в вальсовый полет, туда, где сияние, музыка, цветы и кровь кипит от душевной тесноты.

— Вы помните, как Лермонтов отозвался о Сушковой? — сказала Людмила Николаевна. — Она летучая мышь,

Михаил КОРШУНОВ.

ДВЕ НАТАЛИИ. Одна становится женой любимого его поэта, другая покидает любимого его прежде поэта.

Все происходит в одну зиму, в одно лето, в один и тот же 1831 год.

Один поэт радостно: «О, как мучительно тобою счастлив я». Другой горестно: «Как я забыт, как одинок», «Будь счастлива несчастием моим». Один: «Ты предаешься мне нежна». Другой: «Все изменило мне, везде отравы, лишь лиры звук мне неизменен был!»

Одна Наташа родилась в 30 верстах от Тамбова в поместье, расположенном при впадении реки Карин в реку Цну. Внучка Кутузова, графиня Дарья, записала в дневнике—глаза у нее зеленовато-карие, светлые и прозрачные (я подумал: карие — потому что родилась на реке Карин?). В ней есть что-то воздушное и трогательное, невозможно быть прекраснее, иметь более поэтическую внешность.

Другая Наташа выросла в Подмоскowie, на берегу реки Клязьмы. Наш современник, который многие годы посвящает разгадыванию тайны биографии младшего из поэтов, первым вынул из большого, с коваными наугольниками сундука на Зубовском бульваре в доме № 12, квартира 1 — вход со двора, несколько ступенек и дверь — вынул светло-коричневой кожи рамку и увидел лицо той, которую в свое время поэт так любил. Портрет был сделан художником Бинеманном карандашом и процарапан иглой: «...черты благородны, в уголках красивого рта спрятана любезная улыбка, спокойный взгляд загадочен. Высокая прическа, полнота покатых обнаженных плеч, тонкая шея, украшенная тяжелым ожерельем...»

Наташа, рожденная у реки Карин, будет называть мужа «мой господин и повелитель». А господин и повелитель будет писать ей, что он полюбил окончателно, и голова у него закружилась. Поначалу Наташа была «неприступным Карсом» (знаменитая турецкая крепость), и поэт восклицал: «О, горе мне! Карс! Карс! Прощай, бел свет! Умру!»

Другая Наташа, с берегов реки Клязьмы, на слова своего поэта, что он ее полюбил всем напряжением душевных сил, сказала, что любит другого. Он ей ответил: я не достоин, может быть, твоей любви: не мне судить. И просит совсем о небольшом уже последнем одолжении: взглянуть приветно в час разлуки.

Первая Наташа — Чистойшей прелести чистейший образец, Мадонна («Я уставаю тем, что часами престаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас, как две капли воды»). Возможно, старший поэт стоял перед мадонной Рафаэля в Эрмитаже или перед мадонной, которая демонстрировалась в книжном магазине Слэника на Невском проспекте). И клязьминская Наташа — Мадонна («Она была похожа на портрет мадонны — и мадонны Рафаэля»), чудное создание («не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного создания!»), богиня юных дней.

Первая Наташа — Ангел («мой прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев»), Милый мой друг, Душа моя. Она же — Ее Высокоблагородие Милостивая Государыня Наталия Николаевна. Она же Таша — в семье, подомашнему.

Вторая — Бесчувственное божество, Обманщица прекрасная, и при этом опять горестно восклицание: как нежно, пламенно любил я! О боже, за чем ты дал мне огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... ты виноват!..

Старший поэт и Наташа в ту же зиму, в тот же 1831 год — обвенчались («Ах, женка душа!»). Когда добивался согласия на брак и приезжал к Гончаровым на Большую Никитскую, то с такой стремительностью врывался с крыльцами в дом, что в самую столовую влетала из прихожей калаша: поэта нетерпелось скорее увидеть Милостивую Государыню Наталью Николаевну. На письмах к ней помечал: «Самонужнейшее». Вячеславский написал тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения.

Младший поэт, или Любезный маленький гусарик, или Маёша, как звали его потом друзья, направляясь с Малой Молчановки, где он жил с бабушкой, в университет, ходил мимо храма Большого Вознесения у Никитских ворот. Старший венчался в этом храме. Присутствовавшая на церемонии Екатерина Долгорукова